

ИГРОК СО ЗЛОМ

Веч. Москва. - С. 5.

Еще пятнадцать лет назад упоминание имени Виктора Ерофеева могло сулить крупные неприятности.

Сын дипломата, сам прожив десять лет в Париже, Ерофеев не пошел по стопам отца. Окончив филфак МГУ и аспирантуру ИМЛИ, он стал известен в 1973 году, опубликовав в «Вопросах литературы» эссе «Маркиз де Сад и садизм XX века». Но Ерофеев не стал и советским писателем. Он был самым читаемым кухонным автором Советского Союза, а из сына дипломата превратился в дитя андеграунда. Позже прозу Виктора Ерофеева и его единомышленников стали называть новой русской литературой. Той, которая ставила под сомнение все: красоту, мораль, разум, любовь, благородство, нравственность. С одной стороны, это была реакция на морализаторство и проповедничество русской литературы. С другой — на жуткую советскую действительность. Поэтому для прозы Ерофеева свойственен выход за общепринятые рамки, эпатаж, шокирующая откровенность и отталкивающая натуралистичность описаний. В своем эссе «Русские цветы зла» он называет это новое течение не психологическим, а даже психопатическим. Выплеск творческой энергии был настолько силен, что кухонных чтений оказалось мало. В 1979 году Ерофеев, Липкин, Попов и другие представители андеграунда организовали выпуск литературного альманаха «Метрополь». Такой «наглости» власть стерпеть не могла. Альманах прикрыли, а его организаторов обвинили в начале новой Чехословакии, литературном влосовстве и предательстве. В итоге Ерофеева с треском выгнали из Союза писателей, а его отца, тогда посла СССР в Вене, пытались заставить отречься от родного сына. Сегодня нет ни Советского Союза, ни прежнего Союза писателей, а книги Виктора Ерофеева продаются в крупнейших книжных магазинах столицы.

— Почему, когда человек видит игру со злом на страницах литературы, ему это нравится, он это читает? Но очень немногие решаются играть со злом в реальности?

— Об этом я написал эссе «Русские цветы зла», где попытался объяснить, что русская современная литература играет со злом не потому, что она такая злая, а потому, что в ней это было в основном внешним явлением. Плохой строй, плохие бюрократы, плохие коммунисты. И надо было все время освобождаться... К концу века произошел такой коренной философский перелом, когда заглянули в себя и оказалось: плохой — «Я». Вот исследование этого плохого «Я» стало делом новой современной литературы, которая шокировала и шестидесятников, и правоверных соцреалистов, и молодежь с романтическим настроением. Это поколение довольно сильно заявило о себе потому, что возникла ниша в современной литературе. Ну а кроме того, как я писал в том эссе, зло очень завораживает.

Виктор ЕРОФЕЕВ:

НА НАС НЕ НАДО СТАВЛЯТЬ КРЕСТЫ...

— Возникает чувство кайфа из-за несоответствия внутреннего и внешнего.

— Да. Какое-то ощущение того, что входил в запретную зону и ты здесь первопроходец. Но тут есть опасность. Кайф от зла действует на слабые читательские души довольно сильно и может их поломать. К этим книгам надо относиться очень осторожно. Вообще, культура опасна: с одной стороны, можно открыть что-то новое, а с другой — сломать стереотип, в котором человек существует. Поэтому новая современная литература довольно опасная и взрывная. Но в свое время опасен был и Ницше, и Флобер, и Достоевский. Это не значит, что если мы находим зло в самом себе, на нас надо крест ставить. Чтобы себя спасти, найти в этом мире, надо видеть себя во всем и избавляться от комплексов. Вообще, это литература освобождения.

— Почему западный читатель и в особенности западная критика, читая ваши книги, стараются их понять? У нас же часто говорят: это пошло, это ужасно, — и бросают чтение?

— Это проблема культурного восприятия. Как на Западе уже давно церковь отделена от государства, так и культура от повседневной жизни. И если в книге встречается ругательное слово, это не значит, что автор матерится на улице. Западная публика воспринимает новое как незаполненную клетку в культуре. Возникают вопросы: может быть, это не клетка, а какой-то ромб или еще что-то?

У нас же считается, что если есть определенное слово в книге, то это пошло. Голая — значит ужас, кошмар. Мы все время возвращаемся в «разговоре» о культуре к Адаму. У нас были Пушкин, Достоевский, мы идем дальше, доходим до определенного этапа и опять все начинаем сначала. В общем-то мы люди достаточно сильные в своей культурной эрудиции. Но слабы в понимании места культуры в нашей жизни: что мы для культуры и что она для нас.

— Если русская культура не европейская и не азиатская, то какая она?

— Об этом я хочу написать новую книгу. Понять, что мы собой представляем: русские люди, русская культура. Думаю, что мы не европейцы. Это не в обиду. Американцы тоже не европейцы и никто из них не обижается. Но мы и не восточная цивилизация. Русские — абсолютно оригинальный, своеобразный и очень сильный сплав. Мы многим сильны: и щедростью своей, и каким-то удивительным для западных людей воображением. Они говорят: это что ж такое — вот русский рассказывает, как он прожил вчерашний день, и интересно! Почему вы все живете интересной жизнью? Да рассказывать умеем, воображение есть. Но мы забываем себя нашими слабыми сторонами и отсутствием умения мыслить.

— Вы как-то сказали, что специфика русской литературы в морализаторстве и склонности к проповедничеству. А в чем специфика западной?

— Русская литература рассказывает о том, как должно быть, а западная — как все есть. Она никогда не говорит о том, как должно быть и вообще не исповедует философию надежды. Ведь русская литература заражена ей: завтра будет лучше, чем сегодня, вы обязательно найдете принцессу в своей жизни. С одной стороны, это поднимает читателя, а с другой — он оказывается беспомощным перед реальностью, потому что она отрицается во имя чего-то другого. В то время как Запад очень внимательно, аккуратно и подробно изучает как раз эту реальность. И не только в рамках бытовой жизни, но и дальше: в метафизике, мистике. В этом плане она, конечно, менее целебна для слабых душ, но более полезна для сильных. Если я знаю реальность, тогда я готов к ней.

— Вы как-то написали, что место критики в лакейской? Почему?

— Критика в нашем русском контексте забыла свое место. Критики решили поставить писателей в обоймы, выстрелить и сказать: вы маршируйте сюда, а вы — сюда. И вообще, творите нам на пользу. Но критика должна скрупулезно исследовать каждый роман и быть связующим звеном между мною и читателем. И объяснять читателю не потому, что он не понимает, а потому, что ему нужен собеседник и в качестве профессионального критика. А наша критика поучает: как жить, что писать, зачем писать. И это возмутительно. Поэтому я сказал: знайте свое место. Я очень уважаю людей, которые пишут предисловия, послесловия, — дают возможность быть писателем. Но те, кто отсекают писателя от читателя, вот им туда — в лакейскую.

— Почему тогда судьба хорошего критика быть забытым?

— Настоящие критики, которые помогают нам разобраться в литературе, всегда стоят в тени. Они создают имя писателю. Автору нужно имя, чтобы читатель шел на него и знал: а вот у Ерофеева есть это; я прочитал «Русскую красавицу», и мне интересно, что дальше. Такое имя, как притяжение. Но совершенно не для того, чтобы тщеславиться. Настоящий писатель, если он не какой-то идиот, постоянно чувствует свою неполноценность. Человеческое устройство таково, что совершенного произведения невозможно создать. Первое ощущение от писательской профессии — это стыд. За то, что выходишь к читателю в состоянии несовершенства. А второе чувство — радость: ну хоть что-то получилось.

— Вы как-то сказали, что когда вас выгнали из Союза писателей, вы перестали быть советским человеком. Кем вы тогда были?

— Я, наверное, никогда не был по-настоящему советским человеком. Детство я провел в Париже, заразился, конечно, «тлетворными влияниями Запада». И когда вернулся в Москву, был потрясен, как тяжело живут здесь люди. Я был как бы наполовину отсюда, и это меня раздражало. Но, с другой стороны, давало возможность посмотреть на наш мир (потому что это, конечно, и мой мир тоже) какими-то другими глазами. И этот двойственный взгляд, наверное, и привел меня к тому, что называется постмодерн: возможности увидеть культуру, по крайней мере, с двух сторон.

— Сегодня в России возможен андеграунд?

— Конечно. Я думаю, что это нормальное состояние современной культуры. Она должна обрести свои крылья, свой размах. Какой андеграунд? Это должно быть абсолютно противоположное тому, что делается сейчас: взрыв, революция. В литературе ученики поедают своих учителей, так же, как мы поели шестидесятников. Наверное, придет поколение, которое начнет заниматься более-менее постмодернистской культурой. Нужны взрывы, изменения, ничего страшного в этом нет. Другое дело, что молодежи очень мало. Мы по-прежнему остаемся чуть ли не самыми молодыми писателями.

— «Цветы зла» вы заканчиваете открытой фразой — «Что дальше?».

— Третий том эссе завершается статьей «Разговор по душам о виртуальном будущем литературы», где я попытался рассказать о том, что будет дальше. Думаю, будущее за интерактивной литературой. Она для меня не связана с компьютерными играми. Это, когда я нахожу диалог с читателями не как с аудиторией, а конкретно с каждым человеком. «Страшный суд» написан в духе этой эстетики. Это беседа с читателем, когда он прочитывает роман каждый раз по-разному. Тем самым рождается огромное количество разноликих романов. Я приглашаю читателя подумать вместе со мной. Мои герои говорят: мы сейчас не всем расскажем, а вот вам — с вашим опытом, представлениями о жизни. Идет диалог. Может быть, поэтому мои книги стали интересны на Западе. Мы открываем «Русскую красавицу», и там масса ловушек для читательского сознания. И восприятие книги зависит от вашего настроения: можете ее прочитать и как импрессионизм, и как модерн. А «Страшный суд» вообще выстраивает сам читатель. Как он читает, так роман и воспринимается.

— О чем он?

— Надо сказать, что французы, которые издали «Страшный суд», пришли в ужас от этой книжки. Меня даже просили ее немного купировать. Но я не согласился. По этой же причине «Молодая гвардия» не захотела издавать третий том. «Страшный суд» — это некий эксперимент над всем человечеством. Тут идет разговор о том, насколько мы вообще достойны продолжать жизнь, столько совершив. И мой герой реально думает: а стоит ли продолжать этот человеческий проект. И если нет, то как с этим покончить...

Беседовал Станислав БАТАЛОВ